Gruzdev, I. A.

Н. Груздев

Горький

огиз
Государственное
Издательство
художественной
литературы
Ленинград 1941

3 (С) р
Г-71

PG3465
G659

I

Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) родился 16/28 марта 1868 года в Нижнем-Новгороде от брака Максима Савватиевича Пешкова, столяра-краснодеревщика, с мещанкой Варварой Васильевной Кашириной.

Обвенчались Пешковы, как тогда говорили, — «самокруткой», то есть без согласия родителей. Дело в том, что старик Каширин, владелец красильного заведения, бывший когда-то бурлаком, а теперь избиравшийся на почетную должность цехового старшины красильного цеха, не допустил бы такого брака с неведомым, пришлым парнем, — он твердо рассчитывал выдать дочь за дворянина; но любовь молодых людей взяла свое, и упрямый красильщик должен был смириться перед их волею.

М. С. Пешков был, несомненно, человеком способным и хорошо грамотным: спустя несколько лет после женитьбы он получает от Волжского пароходства должность управляющего пароходной конторой в Астрахани. Но не долго прожили Пешковы в этом городе. В 1872 году Максим Савватиевич умирает от

холеры, и после его смерти вдова с четырехлетним сыном возвращается в Нижний, в дом Каширина.

Здесь началась для мальчика новая жизнь — суровая и страшная: старый быт мелкого мещанства носил подлинно звериные черты. Безобразное озорство, истязания, издевательства над слабым, бессмысленная жестокость — в таких бытовых условиях рос будущий писатель.

Одним из немногих явлений, противостоявших этим тяжелым впечатлениям, была для Горького его бабушка, Акулина Ивановна Каширина, эпический, незабываемый образ которой он дал в своей автобиографической повести «Детство».

Мальчик заслушивался, когда бабушка его сказывала стихи о том, как «богородица» ходила по мукам земным, как она увещевала разбойницу князь-барыню Енгалычеву не бить, не грабить русских людей; стихи про Алексея-божьего человека, про Ивана Воина; сказки о Премудрой Василисе, о Попе-Козле и божьем крестнике; страшные были о Марфе Посаднице, о бабе Усте, атамане разбойников, о Марии-грешнице египетской, о печалях матери разбойников»...

Бабушка сроднила его с истоками народного творчества, его поэтическими образами и глубокими мыслями. А по высокому строю своей души она на всю жизнь осталась для Горького, по его словам, «другом самым близким сердцу, самым понятным и дорогим человеком»; ее «бескорыстная любовь к миру» обогатила внука, «насытив крепкой силой для трудной жизни».

Шести лет Горький обучался у деда старинной, славянской азбуке по Псалтырю и Часослову, так учили еще во времена Московской Удельной Руси, — колоритные сцены этого обучения даны в «Детстве». Девяти лет Горького отдали в Кунавинское начальное училище, где он учился в течение одной зимы и «курса в оном по бедности не окончил», как значилось впоследствии в документах о нем.

Действительно, материальное положение родных Горького становилось все хуже и хуже. После ликвидации красильного заведения Каширин остатки своих денег отдавал в рост, но разорился, все потерял, переехал с женой в тесную каморку на окраине города и превратился в несусветного скрягу.

Чтобы как-нибудь помочь бабушке, Горький по праздникам и в будни после школы отправлялся по дворам и улицам Кунавинской слободы собирать говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди. Пуд тряпок и бумаги ветошники покупали по двугривенному, пуд костей — по гривеннику или по восьми копеек. Школьники смеялись над Горьким, называя его «ветошником» и «нищебродом», а однажды заявили учителю, что от него пахнет помойной ямой и что нельзя сидеть рядом с ним. «Помню, — писал Горький, — как глубоко я был обижен этой жалобой, и как трудно было мне ходить в школу после нее. Жалоба была выдумана со зла: я очень усердно мылся каждое утро и никогда не приходил в школу в той одежде, в которой собирал тряпье»...

Сдав экзамен по окончании года учения, Горький получил в награду Евангелие, басни

Крылова в переплете, книжку без переплета с «непонятным» названием «Фата-Моргана» и похвальный лист. «Когда я принес эти подарки домой, дед очень обрадовался, растрогался и заявил, что все это нужно беречь и что он запрет книги в укладку к себе. Бабушка несколько дней лежала больная, у нее не было денег, дед охал и взвизгивал: — Оплаиваете меня, объедаете до костей, эх вы-и... — Я нес книги в лавочку, продал их за пятьдесят пять копеек, отдал деньги бабушке, а похвальный лист испортил какими-то надписями тогда же вручил деду. Он бережно спрятал бумагу, не развернув ее и не заметив моего озорства».

Этот похвальный лист сохранился. Среди прочих «озорных» надписей поверх текста, сившего о том, что училище «одобряет ные пред прочими успехи в науках ученика Алексея Пешкова», — написано: *Наше свинское Кунавинское,* — это первое, что дошло до нас, написанное рукою Горького.

На этом Горький и расстался со школой. Его отдают в «мальчики» при магазине обуви. Помимо службы в магазине он исполнял мелкую работу на квартире хозяина, как то водилось у лавочников. Прослужив зиму, он об варил себе на этой работе руки кипящими ми, и, таким образом, первая его служба «л людях» кончилась больницей.

Вскоре, впрочем, опять его послали на ра Соботу — в ученики к чертежнику. Ремесл чертежника, однако, его не учили, и вмест того исполнял он обязанности горничной, двор ника и мальчика на посылках у двух сварливы баб-хозяек. Горький мыл в кухне пол, чистил самовар и медную посуду, по субботам мыл полы всей квартиры и обе лестницы; колол и носил дрова для печей, мыл посуду, чистил овощи, ходил с хозяйкой по базару, таскал за нею корзину с покупками, служил на побегушках. «Работал я много, — вспоминал он, — почти до отупения, будни и праздники были одинаково загромождены мелким, бессмысленным, безрезультатным трудом».

Весной, когда ему стало невмоготу более жить в душном мещанском доме, он убежал. Стыдясь вернуться к бабушке, которой он обещал «потерпеть, пока окрепнет», Горький пошел домой, а стал жить на шумных набережных Волги, питаясь около крючников и ночуя с ними на пристанях. Там же он нашел себе новое место — «младшего посудника» на пароходе, делавшем рейсы между Нижним и Пермью. На его обязанности лежало: мыть посуду, чистить ножи и вилки в течение всего дня, от шести часов утра и вплоть до полуночи.

Здесь Горькому посчастливилось: его непосредственный начальник, пароходный повар, стал «первым учителем» будущего писателя. Гвардии отставной унтер-офицер Михаил Акимович Смурый имел большое пристрастие к книге и возил с собой сундук, содержавший, по словам Горького, «самую странную библиотеку в мире». Эккартсгаузен лежал рядом с Некрасовым, Анна Радклиф — с томом «Современника», тут же были «Искра» за 1864 год, «Камень веры» и книжки на украинском языке. Смурый заставлял Горького читать ему жития святых, Гоголя, Глеба Успенского, Дюма, Вальтера Скотта, Фильдинга и франк-масонов.